

II О гипотетическом пушкинском цикле «Эпиграммы во вкусе древних»

Третья кишиневская рабочая тетрадь Пушкина (ПД 833) начинается аккуратно выведенным заглавием «Эпиграммы во вкусе древних» (л. 1), под которым написан беловой текст стихотворения «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...», ниже последней его строки поставлен значок #, и далее следует беловой текст другого стихотворения — «Редет облаков летучая гряда...», завершающийся обращенной вниз фигурной скобкой. Собственных, частных заглавий эти два стихотворения на данном этапе не имели. Первое впоследствии, при публикации в «Полярной звезде» на 1824 г., получило заглавие «Нереида», сохранявшееся за ним в дальнейшем постоянно; второе в более раннем беловом автографе (ПД 35) называлось «Таврической звездой», в той же «Полярной звезде» стало «Элегией», а в собрании стихотворений (1826) это жанровое определение утратило и с тех пор именуется по первой своей строке. Иерархия разделительных знаков понимается легко и однозначно, не вызывая никаких колебаний или сомнений. Значок # употреблен для разделения двух стихотворных текстов, являющихся частями некоего целого, а именно составляющих «Эпиграммы во вкусе древних». В этой же тетради похожими по конфигурации значками обозначены разделы между строфами стихотворения «На смерть Наполеона» (л. 21–23), внутри «Подражений Корану» (л. 29 об.—30, 33) и между частями стихотворения «Клеопатра» (л. 34 об.). Фигурной скобкой многократно помечен в тетради конец стихотворного текста, как-то: «Мила красавица, когда свое чело...» (л. 2), «Элегия» («Увы! зачем она блистает...») (л. 3), «К портрету В—» («Чудесные дары судьба явила в нем...») (л. 3), «Элегия (из поэмы „Кавказ“»)» («Я пережил свои желанья...») (л. 3 об.), «В альбом» («Пройдет любовь, умрут желанья...») (л. 3 об.), «Эпиграмма» («Клеветник без дарованья...») (л. 3 об.), «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...») (л. 4) и еще 23 произведения 1821–1824 гг., в числе которых (что окончательно решает вопрос о соотношении знаков) разделенные на строфы «На смерть Наполеона» (л. 23 об.) и третья, ставшее потом пятым, «Подражание Корану» («Земля недвижна; неба своды...») (л. 33), а также завершение подборки эпиграмм, от которой сохранились V и VI (л. 29).

Таким образом, начиная тетрадь ПД 833, Пушкин решил первым своим творческим актом собрать вместе имевшиеся у него на этот момент стихотворения, подпадавшие под жанровое определение «Эпиграммы во вкусе древних». Таковых, готовых быть оформленными в

беловом виде, оказалось два, и, записав их, поэт фигурной скобкой показал завершение этого получившегося небольшим отдела. Следующее внесенное в тетрадь стихотворение имеет собственное заглавие и помечено как принадлежащее к другому жанру — идиллии.

Рассмотренные особенности оформления автографов свидетельствуют о том, что в то время, когда Пушкин работал на первом листе новой тетради, он четко обозначил границу приложения заглавия, с которого началось ее заполнение. Но осталась ли эта граница незыблемой? Не мог ли он впоследствии молчаливо, никак этого не фиксируя на бумаге, ее отменить или перенести, распространив заглавие мысленно и на другие стихотворения, обладавшие характеристиками названного в нем жанра?

В пушкиноведении этот вопрос был поставлен много позже первой публикации заголовка, осуществленной В. Е. Якушкиным, который под ним привел начальные слова двух стихотворений («Среди зеленых волн...» и «Редет облаков...»), имея, без сомнения, в виду, что именно к ним и только к ним оно и относится¹. В четырех выходявших вслед за этим собраниях сочинений Пушкина под редакцией П. О. Морозова (1887 и 1903–1906) и П. А. Ефремова (1887 и 1903–1905) о заголовке ничего не говорилось, и лишь двадцать лет спустя после первого в печати о нем упоминания его прокомментировал в первом академическом издании сам В. Е. Якушкин в примечании к «Нереиде», указав, что в тетради Румянцевского музея № 2367 (т. е. ПД 833) «„Нереида” и „Редет облаков летучая гряда” имеют общий заголовок: „Эпиграммы во вкусе древних”»². Это объяснение вскоре повторил П. О. Морозов в другом научном издании сочинений Пушкина, также в комментарии к «Нереиде»: «Стихотворение написано в Каменке, в одно время с элегией “Редет облаков...”, и оба имеют один общий заголовок “Эпиграммы во вкусе древних”»³.

Редактор следующего, предпринятого уже на заре советской эпохи, но остановившегося на первом же томе, собрания сочинений Пушкина, В. Я. Брюсов, привел в заголовке каждого из этих стихотворений все названия, которые оно получало в автографах и прижизненных публикациях, а в примечаниях дал краткие пояснения, допустив при этом существенные ошибки:

«Таврическая звезда. Элегия. Эпиграмма во вкусе древних.» В примечании: «Первое загл. и подзаголовок <?!> — в черн. <?!> рук.; второе — в беловом авт., где относится к ряду стихотв.»

¹ Якушкин В. Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // РС. 1884. № 5. С. 339.

² Пушкин А. С. Соч. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1905. Т. 2. Примеч. С. 361–362.

³ Пушкин [А. С. Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз—Ефрон, 1908. Т. 2. С. 555.

«Нереида. Эпиграмма во вкусе древних.» В примечании: «Первое загл. — в печати; второе — в беловом авт., где относится к ряду стихотв.»⁴

В заявленный «ряд стихотворений» Брюсов включил, кроме этих двух, еще лишь одно — «Красавица перед зеркалом», в заголовке которого напечатал то же общее название («Эпиграмма во вкусе древних»), указав в примечании: «Первое загл. — в печати; второе — в беловом авт.»⁵. Установив такой состав «Эпиграмм во вкусе древних» и подкрепив свое решение фотографиями л. 1, 1 об. и 2⁶, Брюсов тем не менее поместил «Красавицу перед зеркалом» второй среди пяти «Подражаний древним», после «Земли и моря», причем оставил без объяснения, почему идилию Мосха, занимающую в тетради промежуточное положение между «Редеет облаков летучая гряда...» и «Мила красавица, когда свое чело...», он в эпиграмматический ряд не включил.

На первых подступах к советскому академическому Полному собранию сочинений Пушкина М. А. Цявловский был согласен с Брюсовым и в трех изданиях шеститомника включил в указатель общее заглавие с отсылкой к стихотворениям, которые оно объединяет: «Эпиграммы во вкусе древних. См. Красавица перед зеркалом. Нереида. „Редеет облаков летучая гряда“». Соответственно оно приводилось и в названии каждого из этих стихотворений в форме: «[Эпиграмма во вкусе древних]»⁷. Однако в скором времени расширительное толкование заголовка было отвергнуто и пушкинисты вернулись к предложенному В. Е. Якушкиным и П. О. Морозовым. В собраниях, выпущенных издательством «Academia», примечание к «Нереиде» содержало следующее пояснение: «В рукописи имеется заголовок “Эпиграммы во вкусе древних”, относящийся и к одновременно написанному стихотворению “Редеет облаков летучая гряда...”». У Пушкина этот жанр связан с его увлечением Андре Шенье⁸. Эта точка зрения прочно утвердилась в пушкиноведении, получив отражение в примечаниях Т. Г. Зенгер

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. со сводом вариантов и объяснит. примеч.: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Брюсова. М., 1919. Т. 1, ч. 1. С. 147–148.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же, между с. 160 и 161.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 350, 316, 325, 336 (Прилож. к журн. «Красная нива»); То же. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. Т. 2. С. 435, 393, 404, 418; То же. 2-е изд. М.; Л.: Гослитиздат, 1934. Т. 2. С. 448, 392, 407, 426. В изданиях 1931 и 1934 гг. для стихотворения «Красавица перед зеркалом» это заглавие указывалось в форме: «[Эпиграммы во вкусе древних]».

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. [М.; Л.]: Academia, 1935. Т. 1: Стихотворения / Подгот. текста стихотворений М. А. Цявловского; Коммент. под ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. С. 469; Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 701.

(Цявловской) к публикации в «Большом» академическом издании вариантов белового автографа (Акад. Т. 2, кн. 2. С. 636, 637) и в ее же комментарии к «Нереиде» в московском десятитомном собрании сочинений⁹. Так же понимали заголовок Б. В. Томашевский¹⁰ и Б. П. Городецкий¹¹.

Кардинальному пересмотру подвергла устоявшийся взгляд В. Б. Сандомирская¹². Проследив историю заполнения л. 1–9 Третьей кишиневской тетради и установив, что находящиеся на них беловые тексты 19 законченных стихотворений были записаны в короткий промежуток времени, в несколько приемов¹³, и при этом не были внесены такие значительные произведения первого года южной ссылки, как «Погасло дневное светило...» и «Черная шаль», исследовательница заключила, вопреки мнению М. А. Цявловского¹⁴, что, заводя эту тетрадь, Пушкин отнюдь не думал сделать ее собранием своих стихотворений этого

⁹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 1. С. 574.

¹⁰ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1 (1813–1824). С. 487.

¹¹ Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. М.; Л., 1962. С. 218. Здесь, говоря об антологических стихотворениях Пушкина, автор заявил, что «иногда» (?) поэт соединял «некоторые из них под общим заглавием „Эпиграммы во вкусе древних“» (курсив наш), но в подстрочном примечании уточнил: «Так, в автографе объединены стихотворения „Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду“ и „Редеет облаков летучая гряда“». В написанной на основе этой академической монографии книге для учителей подстрочное примечание было снято (Городецкий Б. П. Лирика Пушкина: Пособие для учителя. Л., 1970. С. 58), в результате чего оставшаяся в тексте фраза приобрела неопределенный смысл. Правда, за нею следовал разбор лишь тех же двух стихотворений.

¹² Сандомирская В. Б. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков) // Врем. ПК 1975. Л., 1979. С. 15–30.

¹³ Первые пять — в один прием 9 февраля в Киеве, следующие четыре — тоже в один прием 22 февраля в Каменке, третья группа из четырех стихотворений — 5 апреля, и «близко к этому времени» еще пять (в том числе «К Чудаеву» — 6 апреля, «Христос Воскрес» — 12 апреля); исключение составляет лишь эпиграмма «Ты прав: хоть он поэт изрядной...», которая могла быть вписана позднее на пробельное место.

¹⁴ М. А. Цявловский считал, что «тетрадь была заведена для беловых текстов лирических стихотворений» (Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 485). В изданном посмертно труде ученого говорится относительно стихотворений «Нереида» и «Редеет облаков летучая гряда...», что ими «Пушкин открывает свою рукописную антологию (третья кишиневская тетрадь — № 2367 ЛБ <ныне ПД 833>») (Летопись 1951. С. 267). Не употребленное ли здесь слово «антология» послужило В. Б. Сандомирской сознательно или бессознательно воспринятым толчком к переосмыслению традиционной точки зрения?

периода. Как следствие, пришла к выводу В. Б. Сандомирская, «остаётся предположить, что стихотворения на л. 1—9 в “первой <!?!> кишиневской тетради” объединены их общим заглавием — “Эпиграммы во вкусе древних”». Так был определен следующий состав цикла:

Л. 1. «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» («Нереида»).

Л. 1—1 об. «Редает облаков летучая гряда...».

Л. 1 об.—2. «Морской берег. Идиллия Мосха» («Когда по синеве морей...»).

Л. 2. «Мила красавица, когда свое чело...» («Красавица перед зеркалом»).

Л. 2 об.—3. «Элегия» («Увы! зачем она блистает...»).

Л. 3. «К портрету В—<яземского>» («Чудесные дары судьба явила в нем...»).

Л. 3—3 об. «Элегия (из поэмы „Кавказ“» («Я пережил свои желанья...»).

Л. 3 об. «В альбом» («Пройдет любовь, умрут желанья...»).

Л. 3 об. «Эпиграмма» («Клеветник без дарованья...»).

Л. 4. «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...»).

Л. 4 об. «Я говорил тебе: страшися девы милой...» («Дева»).

Л. 4 об. «Эпиграмма» («Оставя честь судьбе на произвол...»).

Л. 5. «Она виновна, милый друг...» («<Катенину>»).

Л. 5. «Эпиграмма» («Ты прав: хоть он поэт изрядной...»).

Л. 5 об.—7 об. «К Чедаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»).

Л. 8. «Христос Воскрес» («Христос воскрес, моя Реввека...»).

Л. 8 об. «Адель» («Играй Адель...»).

Л. 9. «Элегия» («Воспомянем упоенный...»).

Л. 9 об. «Идиллия» («Подруга милая, я знаю для чего...»).

Группировать под общим заголовком произведения различных жанров (собственно антологические стихотворения, элегии, идиллии, послание, стихи в альбом, надпись к портрету, эпиграммы в понимании XIX в.) позволяло Пушкину, по мнению В. Б. Сандомирской, представление о разнообразии форм и тематики древнегреческой эпиграммы, составившееся под влиянием брошюры С. С. Уварова и К. Н. Батюшкова «О греческой Антологии», вышедшей в то время, когда он еще находился в Петербурге, и обсуждавшейся в кругу его друзей и знакомых. У древних греков, писали авторы, «каждая небольшая пиеса, размером элегическим писанная (то есть гекзаметром и пентаметром), называлась эпиграммою. Ей все служит предметом: она то поучает, то шутит и почти всегда дышит любовью. Часто она не что иное, как мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотою природы или памятниками искусства. Иногда греческая эпиграмма полна и совершенна, иногда небрежна и не кончена... как звук, вдали исчезаю-

щий. Она почти никогда не заключается разительною, острою мыслию, и чем древнее, тем проще. Этот род поэзии украшал и пиры, и гробницы. Напоминая о ничтожности мимолетной жизни, эпиграмма твердила: „Смертный, лови миг улетающий!“ Резвилась с Лаисою и, улыбаясь кротко и незлобно, слегка уязвляла невежество и глупость. Истинный Протей, она принимает все виды...»¹⁵

Творческое усвоение и освоение Пушкиным такого понимания античной эпиграммы было, согласно аргументации В. Б. Сандомирской, в некотором роде предопределено, так как в этих о ней суждениях и в приложенных к статье иллюстративных переводах К. Н. Батюшкова он нашел подтверждение и даже разъяснение собственных стилистических поисков. В частности, элегический характер некоторых из предложенных Батюшковым образцов позволил ему включить в свой эпиграмматический цикл пять элегий (хотя в статье этот жанр не упоминается среди протейских трансформаций греческой эпиграммы); у Батюшкова же он перенял использование в антологических стихотворениях разноstopных ямбов, отказавшись, по его примеру, от стилизации подлинного размера (элегического дистиха).

Простая, стройная, казалось бы, внутренне (эффект, достигнутый абстрагированием от существенных и требующих обязательного внимания моментов, в том числе: особенности записи двух первых стихотворений, влияние А. Шенье) и потому внешне убедительная, концепция В. Б. Сандомирской встретила у пушкинистов тем не менее лишь частичное признание и, нельзя, к сожалению, не отметить, стала источником разных нелепостей и несообразностей.

Согласившись с выводом о том, что заголовок «Эпиграммы во вкусе древних» объединяет 19 «пес», С. А. Кибальник признал соответствующими значению, которое в это понятие вкладывал в 1821 г. Пушкин, лишь пять первых стихотворений и высказал предположение, согласно которому поэт, «перебеляя стихотворения в третьей кишиневской тетради, постепенно отошел от принципа их отбора, обозначенного в заголовке, и начал записывать в ней лирические стихи вообще»¹⁶. Углубляться в обоснование своей гипотезы исследователь не стал и, оставив без объяснения сопутствующие неясные обстоятельства (в том числе, почему Пушкин никак не показал в тетради, какие стихотворения, кроме первых двух, попадают под действие заголовка), заключил цитированные слова фразой: «Вопрос этот, впрочем, нуждается в дополнительном изучении».

¹⁵ О греческой Антологии. СПб., 1820. С. 5.; То же // Арзамас: Сб.: В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вацура и А. Л. Осповата. М., 1994. Кн. 2. С. 102.

¹⁶ Кибальник С. А. Антологические эпиграммы Пушкина // ПИМ. Л., 1986. Т. 12. С. 154. Ср.: Он же. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990. С. 170–171.

Такое изучение, весьма обстоятельное, предприняла Т. Г. Мальчукова¹⁷. Отметив у своих предшественников (Т. Г. Зенгер-Цявловской, В. Б. Сандомирской, С. А. Кибальника, В. А. Грехнева и А. Д. Григорьевой) «непонимание авторских жанровых обозначений» и «натяжки в истолковании текстов», она показала, что различие мнений, интерпретаций и выводов касательно антологических произведений Пушкина, тенденция их сблизить «вплоть до отождествления — в едином „антологическом роде“» уходят своими глубокими корнями в суждения Белинского, утвердившего «в русской литературе этимологически неверное, не имеющее соответствующих аналогий в других европейских литературах, крайне расплывчатое понятие антологической поэзии как стихотворений, каким-то образом связанных с античностью, то ли по содержанию, то ли по характеру мирозерцания, то ли по тону, то ли по метрической форме, то ли по стилю»¹⁸. Однако, справедливо рассуждала исследовательница, «неверно и опрометчиво принимать суммарную ретроспекцию Белинского за адекватное отражение литературного процесса и искать в ней соответствия жанровым концепциям поэтов 10–20-х годов», пройдя «классическую школу мастера поэтической формы», воспринимали жанры «более дифференцированно» и, даже «предуготовляя внежанровое бытие лирики», остро ощущали ее жанровые истоки, творили «в привычном русле» и «обыгрывали жанровые каноны»¹⁹. Иначе говоря, этот оформленный современной научной риторикой пассаж декларирует, а проведенный далее анализ подтверждает, что какой бы «протеической» ни видел Пушкин, вслед за Батюшковым, древнегреческую эпиграмму, он имел четкое представление о ее жанровых признаках и границах этого понятия, отразившееся в его употреблении прилагательного «антологический» и нашедшее творческое воплощение в написанных элегическим дистихом четырех «Анфологических эпиграммах» и еще десяти в том же роде, но вне этого цикла²⁰.

¹⁷ Мальчукова Т. Г. «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Анфологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики: Исследования и материалы: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1990. С. 48–72.

¹⁸ Там же. С. 48, 54.

¹⁹ Там же. С. 59.

²⁰ Там же. С. 60–65. Этому вопросу исследовательница ранее посвятила обстоятельную статью: Мальчукова Т. Г. О жанровых традициях в «Анфологических эпиграммах» А. С. Пушкина // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1986. С. 64–82; переизд. под измененным заглавием: Анфологические эпиграммы в поэзии А. С. Пушкина // Мальчукова Т. Г. Филология как наука и творчество. Петрозаводск, 1995. С. 186–203.

Согласно выводам Т. Г. Мальчуковой, эпиграммы «антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть» (Акад. Т. 11. С. 61), то есть происходящие непосредственно из греческой Антологии и написанные по их образцу, «в греческом вкусе», были для Пушкина «живым жанром новой поэзии», не только не исключающим современного содержания, но даже в какой-то степени его предполагающим; причем само процитированное в начале предложения определение «широко до неопределенности, что соответствует реальному многообразию этого едва ли не универсального по тематике жанра»²¹. В отличие от жанровых циклов «Эпиграммы во вкусе древних» и «Анфологические эпиграммы», отдел «Подражания древним», выделенный Пушкиным в собрании стихотворений 1826 г., представляет собою тематическое объединение, в котором «ориентация на древность предполагает принципиальное исключение или смягчение современных и местных черт»²². Эти заключения исследовательницы, выраженные в реферируемой статье несколько расплывчато, обрели четкую, концентрированную формулировку несколько лет спустя в другой ее работе: «“Подражания древним” включают у Пушкина переводы и подражания древним или неоклассическим поэтам и лишь в качестве исключения — ради мистификации — допускают стихотворения на личную тему»²³. В отличие от этих переводов или стилизаций древней поэзии, исключающих всякую модернизацию, эпиграммы для Пушкина — живой жанр современной поэзии, причем не только сатирические, но и антологические, т. е. греческого типа, надписи и лирические отрывки, которые естественно допускают современную тематику и проблематику. Отсюда современные и местные черты в содержании „Анфологических эпиграмм“, отсюда соединение насмешливых стихов, надписей и лирических отрывков в предполагаемом сборнике „Эпиграммы во вкусе древних“»²⁴.

Под этим углом зрения, никак не касаясь различий других жанрообразующих признаков «Эпиграмм во вкусе древних» и «Анфологичес-

²¹ Мальчукова Т. Г. «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Анфологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина. С. 62, 64.

²² Там же. С. 71.

²³ Имеется в виду элегия «Редет облаков летучая гряда...», но не учитывается, что в этой публикации «личные» строки были сняты.

²⁴ Мальчукова Т. Г. Концепция «антологического рода» у В. Г. Белинского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1992. Вып. 2: Художественные и научные категории. С. 44. Ср. аналогичное рассуждение в начале этой же статьи (с. 27–28). Переиздание в кн.: Мальчукова Т. Г. Филология как наука и творчество. С. 204–221.

ких эпиграмм»²⁵, рассматривает Т. Г. Мальчукова «спорный», по ее заключению, вопрос, «сколько стихотворений объединяет первоначальное жанровое заглавие» первого из названных циклов. Демонстрируется непоследовательность и недостаточная основательность возражений С. А. Кибальника, исключившего из установленного В. Б. Сандомирской состава 14 стихотворений, жанровые признаки которых, по его мнению, не соответствуют эпиграмме «в греческом вкусе»; справедливо указывается, что если понимать авторское название «Эпиграммы во вкусе древних» в «общеупотребительном», то есть расширительном, как у обоих ленинградских ученых, смысле, то античная и европейская (главным образом французская) традиции должны были, в представлении Пушкина, допускать объединение в подобном цикле и эпиграмм «без соли», и насмешливых эпиграмм, и надписей, и лирических отрывков (коротких элегий), и альбомных стихотворений или мадригалов (только двум из 19 стихотворений, причисленных В. Б. Сандомирской к «Эпиграммам во вкусе древних», отказывается даже при этом толковании в праве среди них находиться — посланиям «Катенину» и «К Чедаеву»)»²⁶. Вскрывается слабость одного из главных аргументов В. Б. Сандомирской. История заполнения л. 1—9 никоим образом не может, по убедительному рассуждению Т. Г. Мальчуковой, служить доказательством того, что на них велось составление задуманного цикла: «Если <...> поэт, в течение трех месяцев одержимый идеей создания единого жанрового цикла, всякий раз на новом месте открывал заветную тетрадь для присовокупления новых опытов в этом жанре, ничто не мешает предположить, что подобное настроение могло сохраниться в нем и на следующие три месяца; если же нет, то это второе так же маловероятно, как и первое»²⁷. Выявляются, как излишне и неоправданно резко выражается петрозаводская исследовательница, «особый отбор или причисление фактов», «манипуляции со списком, натяжки и умолчания», к которым В. Б. Сандомирская прибегала, по ее несправедливой оценке, якобы *намеренно* с тем, чтобы «подтвердить общую мысль Белинского о преемственной связи антологической лирики Пушкина с антологической лирикой Батюшкова конкретным историко-литературным материалом». Одним из частных проявлений этой

²⁵ Применительно к «Анфологическим эпиграммам» таковыми обязательными, в понимании Пушкина, указаны: воспроизведение античной метрики (элегического дистиха), серьезность тона и с разной степенью выраженности — минимальная двухчастная композиция, тематическая связь с надписью (см.: Мальчукова Т. Г. О жанровых традициях в «Анфологических эпиграммах». С. 81).

²⁶ Мальчукова Т. Г. «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Анфологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина. С. 67—68.

²⁷ Там же. С. 68.

сознательной тенденциозности признается замалчивание В. Б. Сандомирской хорошо ей известных фактов о влиянии А. Шенье на «формирование как жанрового <...> цикла “Эпиграммы во вкусе древних”, так и тематического — “Подражания древним”»: «Делается это для того, чтобы поднять значение переводов Батюшкова из Антологии, представив их единственным импульсом к созданию пушкинских циклов»²⁸. Как следствие, Т. Г. Мальчуковой «представляется целесообразным вернуться к мнению В. Е. Якушкина об отнесении авторского названия “Эпиграммы во вкусе древних” к первым двум, никак иначе не озаглавленным в тетради стихотворениям “Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...” и “Редет облаков летучая гряда...”. Попытка В. Б. Сандомирской опровергнуть это ставшее традиционным мнение и расширить этот цикл за счет стихотворений иных жанров не представляется убедительной. При всем близком историко-литературном соседстве и принадлежности к “единому классическому роду” жанры послания, идиллии и эпиграммы в творческом сознании Пушкина не смешивались»²⁹.

Оставляя в стороне пристрастное толкование намерений ленинградской исследовательницы, чья научная добросовестность хорошо известна в профессиональном кругу, но не исключает, разумеется, ошибок и заблуждений, приходится с большим сожалением констатировать, что работа Т. Г. Мальчуковой прошла мимо внимания пушкинистов и в дальнейшем вопрос был еще более запутан. Я. Л. Левкович в роли редактора второго издания «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» приняла установленную В. Б. Сандомирской хронологию записи стихотворений на л. 1—9 и, следуя ей, указала при каждой их группе общий заголовок «Эпиграммы во вкусе древних», исключив, однако, из цикла шесть последних стихотворений, в том числе «Идиллию» («Подруга милая, я знаю для чего...»), жанровая принадлежность которой к эпиграммам «по греческому образцу» вряд ли может вызывать сомнения³⁰. В следующем издании «Летописи», которое в качестве ответственного редактора готовила также Я. Л. Левкович, заголовок цикла отделен хронологически от первой группы стихотворений (соответственно: 1...9 февраля; 8 и 9 февраля 1821 г.), при которой почему-то (по недоразумению?) опущено указание на их принадлежность к этому циклу, третья группа пополнена «Эпиграммой» («Ты прав: хоть он поэт изрядной...»), так что вне его теперь оказываются пять стихотворений³¹. В то же самое время тот же редактор, переиздавая сборник

²⁸ Там же. С. 68—71.

²⁹ Там же. С. 69.

³⁰ Летопись 1991. С. 258, 260, 268, 269.

³¹ Летопись 1999. Т. 1. С. 230, 231, 241—243.

«Рукою Пушкина», сохранил без каких-либо уточнений или оговорок расшифровку М. А. Цявловским заголовка «Эпиграммы во вкусе древних» как относящегося только к двум стихотворениям и воспроизвел буквально, игнорировав мнение В. Б. Сандомирской, его замечание о том, что «тетрадь была заведена Пушкиным для беловых текстов лирических стихотворений»³².

Изменения, внесенные в последнее издание «Летописи» по сравнению со вторым, объясняются тем, что в промежутке между ними Р. В. Иезуитова в своем анализе тетради ПД 833 представила несколько отличающуюся деталями от нарисованной В. Б. Сандомирской картину заполнения л. 1—9. Вместе с тем она «полностью» присоединилась «к трактовке <...> пушкинского заглавия “Эпиграммы во вкусе древних” как жанровой рубрики для широкого круга поэтических произведений в антологическом роде», отметив при этом, что «оно все же не охватывает всего жанрового многообразия стихотворений, записанных в этой части тетради, и, видимо, представляет собой не столько окончательный итог, сколько одну из рабочих стадий в работе Пушкина над созданием своей антологии». По предположению Р. В. Иезуитовой, творческий процесс развивался следующим образом: «...задумав сначала цикл “Эпиграмм” в близком к батюшковскому их понимании, Пушкин далее убедился в невозможности на этой стадии работы строго выдержать “чистоту” жанра и, придав ему расширительное толкование (близкое к рубрике “подражание древним”), стал сначала записывать в тетради произведения, так или иначе связанные с античностью, а в дальнейшем использовать тетрадь для беловых редакций произведений самых разнообразных лирических жанров»³³. Если конкретизировать эти общие положения приведенными в той же работе характеристиками отдельных стихотворений и выводами о последовательности записи текстов, то получается, что выдерживать чистоту жанра Пушкин отказался уже на третьем стихотворении (идиллия «Морской берег» признается не подпадающей под определение антологической эпиграммы³⁴), а от обязательной связи с античностью — на четвертом, которым стала элегия «Увы! за чем она блистает...» (о ее античном колорите ничего не говорится³⁵). Тем не менее, по наблюдениям Р. В. Иезуитовой, Пушкин еще не оставлял «намерения создать цикл собственно эпиграмм “во вкусе древних”» и на незаполненном еще пространстве между идиллией и элегией поместил «законченный образец <...> жанра»

³² Рукою П. 1997. С. 211, 457. Ср. примеч. 14.

³³ Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833: (История заполнения) // ПИМ. СПб., 1995. Т. 15. С. 242—243.

³⁴ Там же. С. 242.

³⁵ Там же. С. 243—244.

(«Мила красавица, когда свое чело...»), а после элегии — «один из характернейших примеров антологического жанра», надпись к портрету («К портрету В.<яземского>»)³⁶. На этом исследовательница перестает следить за связью с задуманным эпиграмматическим циклом записанных позже стихотворений, ограничившись сделанным ранее указанием, что к нему не относятся послания «К Чудаеву» и «Катенину», мадригалы «Адель» и «Христос Воскрес», а также, вопреки литературоведческому смыслу, идиллия «Подруга милая, я знаю для чего...» (первая редакция «Дионеи»)³⁷. Таким образом, из 19 стихотворений, находящихся на л. 1—9, принадлежащими к циклу названы определенно лишь четыре и выведены из него такие, казалось бы, имеющие несомненное право в нем числиться, как «Муза», «Я говорил тебе: страшился девы милой...» и «Дионея».

Итак, с момента первой публикации заголовка «Эпиграммы во вкусе древних» попадающими под его действие признавали два (В. Е. Якушкин, П. О. Морозов, М. А. Цявловский, Т. Г. Зенгер-Цявловская, Б. В. Томашевский, Б. П. Городецкий, Т. Г. Мальчукова), три (В. Я. Брюсов, М. А. Цявловский), четыре (Р. В. Иезуитова), пять (С. А. Кибальник), тринадцать (Я. Л. Левкович), четырнадцать (Я. Л. Левкович) и девятнадцать (В. Б. Сандомирская) стихотворений, беловые тексты которых находятся на л. 1—9 Третьей кишиневской тетради, причем ни одна из этих цифр (даже имеющая большинство) не получила достаточного обоснования для того, чтобы иметь право на убедительную преференцию. До появления статьи В. Б. Сандомирской такого положения не существовало, пушкинисты придерживались единой точки зрения (зигзаг В. Я. Брюсова, повторенный ненадолго, по невнимательности, М. А. Цявловским, был не более чем недо-разумением), сформировавшейся на основе разделительных знаков, которые воспринимались настолько очевидными, что не появлялись и мысли о необходимости их обсуждать и комментировать. Разногласия возникла тогда, когда эти объективные и однозначные признаки были выведены из поля зрения литературоведов и в образовавшейся пустоте началась круговерть ничем не сдерживаемых и никак не корректируемых интерпретаций. Из всех участников дискуссии, грозящей стать бесконечной из-за появления все новых и новых предположений с сопровождающими их нелепостями и прямыми ошибками, лишь

³⁶ Там же. С. 244. В статье ничего не говорится о том, что оформлению в тетради цикла под единым заголовком уже мешает вклинившаяся идиллия.

³⁷ Там же. С. 242. Нет необходимости разбирать утверждение Р. В. Иезуитовой, что антологическими чертами обладает «Кинжал», поскольку о присутствии автографа этого стихотворения на позднее вырванном листе говорится лишь в виде предположения.

Т. Г. Мальчукова прозорливо разглядела «корень зла» и указала его, поставив эпиграфом к первой своей статье³⁸ фразу из статьи Пушкина «О поэзии классической и романтической» (1825): «Если вместо *формы* стихотв.<орения> будем [брать] за основание только *дух*, в котором оно писано — то никогда не выпутаемся из определений». Это было сказано по поводу того, что «критики не согласились еще в ясном различии между родами кл.<ассическим> и ром.<антическим>» (Акад. Т. 11. С. 36), то есть о ситуации, подобной той, какую создали поиски ответа на вопрос, как Пушкин понимал и на какие стихотворения распространял написанный им заголовок «Эпиграммы во вкусе древних». Тем не менее в данном случае выбор, следуя этой мысли Пушкина, формальных признаков как основы дефиниций и различений не только не исключает, но предполагает обязательной интерпретацию выявляемых показателей такого рода, однако их объективный характер накладывает на нее сильную узду, не позволяя разгуляться литературоведческой фантазии и обязывая к точности и аккуратности в обращении с привлекаемым материалом.

Непреложным и, можно с уверенностью заявить, решающим обстоятельством следует признать то, что, как было показано в начале статьи, Пушкин разделительными знаками разных иерархических ступеней четко обозначил, какие стихотворения попадают под действие заголовка и на каком из них его действие заканчивается. Распространение заголовка на другие стихотворения, записанные в тетради далее, этими знаками возбраняется, и не случайно была поэтому своею гипотезою вынуждена умолчать о них В. Б. Сандомирская, а за нею их не заметили или не придали им должного значения³⁹ те, кто обсуждал ее концепцию.

То, что Пушкин относил заголовок только к двум следующим за ним стихотворениям, подтверждает написанный поэтом на внутренней стороне верхней крышки переплета список его, вероятно, самых значительных, как он считал, произведений за август 1820 — апрель 1821 г.⁴⁰ Составленный в хронологической последовательности, он четвертою строкою включает названия «Эпигр. Моск. Ид.», то есть ««Эпиграммы во вкусе древних», «Земля и море. Идиллия Мосха»». Упоминание отдельно идиллии Мосха, которая, напомним, в тетради следует непосредственно после фигурной скобки под «Редет облаков

летучая гряда...», ограничивает приложение заглавия лишь к двум стихотворениям, расположенным между ним и этой фигурной скобкой. Примечательно, что еще три стихотворения, включенные В. Б. Сандомирской в гипотетический цикл, значатся в списке каждое отдельной строкой (пунктом): третьей («Увы за чемъ»), пятой («Чедаеву») и шестой («Катен.<ину>»). Так же выделены в другом хронологическом списке еще два стихотворения, причисленные В. Б. Сандомирской к эпиграмматическому циклу: «Я пережилъ» и «Чедаеву»⁴¹. Эту их обозначенную самостоятельность можно интерпретировать как вероятный признак того, что в сознании автора они не ассоциировались с пунктом «Эпигр.<аммы>». Впрочем, в хронологическом списке не следует ожидать какой-либо группировки по какому-либо иному признаку (жанровому, тематическому и др.). С этим контраргументом нельзя не считаться, и поэтому сформулированный вывод о распространении заголовка только на два стихотворения требует дополнительного обоснования.

Важным подтверждающим признаком служит то обстоятельство, что Пушкин более ни разу не употребил определения «эпиграмма во вкусе древних» ни в заголовках других стихотворений, ему отвечающих, ни в подзаголовках для уточнения жанровой природы таких стихотворений или указания на их принадлежность к циклу, ни в каких-либо пометах, которые могли бы использоваться для этих целей. Большинство стихотворений, причисленных В. Б. Сандомирской к предположительно задуманному Пушкиным циклу, имеют собственные тематические («К портрету В—», «В альбом», «Муза», «К Чедаеву» и др.) или жанровые («Элегия», «Эпиграмма», «Идиллия») заглавия, либо имели их в более ранних автографах, либо получили в поздних автографах и при публикации (до «Стихотворений» 1826 г., где некоторые их утратили⁴², а другие, напротив, обрели⁴³). Лишь один раз во всей череде вводимых, изменяемых и отменяемых заглавий Пушкин назвал «Дионею» жанровым определением, синонимичным «эпиграмме во вкусе древних»: «Антологический отрывок»; но показательно, что заголовок, открывающий тетрадь ПД 833, он не повторил. Так же обстояло дело и с заглавиями еще пяти написанных и ранее, и позднее стихотворений, которые, включи Пушкин в свой сборник 1826 г. цикл (отдел) «Эпиграммы во вкусе древних», непременно в него бы вошли («Дорида», «Дориде», «Приметы», «Ночь», «Юноша»⁴⁴). Из них «Приметы» являют собою однотипный с «Дионею» случай: в беловом автографе, записан-

⁴¹ Там же. С. 212.

⁴² «Редет облаков летучая гряда...», «Увы, зачем она блистает...», «Я пережил свои желанья...», «Хоть впрочем он поэт изрядный...».

⁴³ «Красавица перед зеркалом», «Дева», «Катенину».

⁴⁴ Позднее названо «Сафо».

³⁸ Мальчукова Т. Г. «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Анфологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина. С. 48.

³⁹ Описывавшая тетрадь Р. В. Иезуитова отметила наличие «фигурной скобки, которая обычно заключает конец записи» (Иезуитова Р. В. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833. С. 243), но не развила это свое верное замечание применительно к определению состава «Эпиграмм во вкусе древних».

⁴⁰ См.: Рукою П. 1997. С. 211.

ном 27 декабря 1821 г. (ПД 833, л. 18)⁴⁵, заглавие было «Отрывок», что может выступать если не полным, то по крайней мере частичным синонимом «эпиграмме во вкусе древних»; и здесь Пушкин не использовал возможность заявить через заглавие о том, что у него есть замысел подобного цикла. Между тем с беловыми текстами стихотворений, долженствовавших на самом деле образовать цикл «Подражаний Корану», Пушкин в той же тетради поступил иначе: все три, внесенные в сентябре—октябре 1824 г., имеют заголовки, указывающие на их к нему принадлежность — «Подражание Корану» (л. 29 об.), «Подражание Корану» (л. 30 об.), «3 подр.<ажание> Кор.<ану>» (л. 33).

Пушкин не оставил никаких заявлений о том, какие средства русского стихосложения он считал эквивалентными в жанре «эпиграммы во вкусе древних» элегическому дистиху, который в статье С. С. Уварова и К. Н. Батюшкова был назван обязательным атрибутом антологической эпиграммы в подлиннике⁴⁶. Не имея свидетельства, исходящего от самого поэта, нельзя приписывать ему, как это сделала В. Б. Сандомирская, полное, безоговорочное согласие с Батюшковым, который в своих переводах, включенных в статью, применял разноstopные ямбы и различные рифмы (смежные, перекрестные, опоясанные) даже в одном стихотворении. Какого мнения держался Пушкин в 1821 г., дают твердое основание судить лишь все те же два стихотворения, им самим отнесенные к «Эпиграммам во вкусе древних». Оба написаны классическим русским александрийским стихом (двустипхиями, с чередованием мужских и женских рифм, с мужской и дактилической канонической цезурой), и образцом Пушкину служили, конечно, в этом случае не переводы Батюшкова, но «фрагменты» А. Шенье, один из которых (фрагмент VI идиллии «Je ne sais quand le midi leur fait desirer l'ombre...») отозвался в первой же записанной в тетради «эпиграмме» «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» (т. е. «Нереиде»). Именно эти два стихотворения: «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» и «Редеет облаков летучая гряда...» — могут и должны быть приняты за основной «эталон» пушкинского понимания в 1821 г. формы русской «эпиграммы во вкусе древних».

Нельзя, однако, не учитывать того обстоятельства, что Пушкин нигде не дезавуировал опыт Батюшкова, как мог бы поступить, если бы он вызывал у него резкое неприятие. К тому же свой юношеский перевод («Вот зеркало мое — прими его Киприда!..») с французского языка вольтеровского переложения («Sur Laïs qui remit son miroir dans le temple de Venus») эпиграммы Платона, напечатанный в составе извлеченной

⁴⁵ Датировка: Акад. Т. 2. С. 729 (под вопросом); *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 833. С. 237, 247.

⁴⁶ См. с. 264.

И. И. Пушиным из «Лицея» Ж.-Ф. де Лагарпа статьи⁴⁷, Пушкин сам выполнил разноstopными ямбами с использованием перекрестной и опоясанной рифм, имея, возможно, в качестве образца напечатанную четыремя годами ранее и включенную в ту же статью антологическую эпиграмму Батюшкова, взятую им также у Вольтера⁴⁸. В «Стихотворениях» 1826 г. эпиграмма «Лаиса Венере, посылая ей свое зеркало»⁴⁹ не была включена. Просто ли Пушкин о ней забыл, или, когда готовился сборник, он уже считал такую форму не подходящей для «подражания древним» (ведь и Батюшков, и он в тех эпиграммах 1810-х гг. ориентировались на форму вольтеровских переводов, свободно при том ее варьируя и не соблюдая эквилинеарности: добавив первый — три стиха, а второй — четыре)⁵⁰, а если держался такого мнения, то не допускало ли оно исключений и послаблений, сказать с определенностью невозможно.

Вместе с тем в рассмотренных антологических эпиграммах этих двух поэтов выявляется и одна существенная закономерность: главным и преобладающим их формообразующим размером был во всех случаях шестистопный ямб. Руководствуясь этим признаком, можно с полной уверенностью в безошибочности решения исключить из установленного В. Б. Сандомирской состава предполагаемого цикла все стихотворения, не имеющие хотя бы одного такого стиха. Из девятнадцати, находящихся на л. 1—9, их оказывается одиннадцать, а именно: «Морской берег. Идиллия Мосха», «Элегия» («Увы! зачем она блистает...»), «Элегия (из поэмы „Кавказ“» («Я пережил свои желанья...»), «В альбом», «Эпиграмма» («Клеветник без дарованья...»), «Эпиграмма» («Оставляя честь судьбе на произвол...»), «Катенину» («Она виновна, милый друг...»), «Эпиграмма» («Ты прав: хоть он поэт изрядной...»), «Христос Воскрес», «Аделъ», «Элегия» («Воспомянем упоенный...»). Двенадцатым становится послание «К Чедаеву», которое хотя и написано александрийскими двустипхиями, но «эпиграммой во вкусе древних» не может быть, поскольку его объем далеко выходит за пределы «небольшой пиесы»⁵¹, а стихотворная форма была для жанра послания традиционной и в данном случае выступает именно его признаком. Два

⁴⁷ Об эпиграмме и надписи древних: (Из Ла-Гарпа) / Пер. — въ — // ВЕ. 1814. Ч. 77, № 18. С. 115—119. Пушкинский перевод — на с. 117.

⁴⁸ Из Анфологии [«Сот меда с молоком...»] // ВЕ. 1810. Ч. 52, № 14. С. 124. В статье «Об эпиграмме и надписи древних» (с. 116—117) перепечатано под заглавием «Геркулесу» и помещено непосредственно перед эпиграммой Пушкина.

⁴⁹ Таким было бы, по всей вероятности, авторское заглавие (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 593).

⁵⁰ См. французские тексты в кн.: *Laharpe J.-F.* Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, an VII [1799]. Т. 2. Р. 184—185.

⁵¹ См. с. 264.

четверостишия, написанные шестистопным ямбом с перекрестными рифмами («Мила красавица, когда свое чело...» и «К портрету В—»), подходят под «эпиграммы во вкусе древних» как по содержанию, так и по форме, если предположить, что Пушкин воспользовался примером Батюшкова, не считавшего александрийский стих единственным обязательным для антологического эпиграмма. Однако в «Стихотворениях» 1826 г. надпись «К портрету В—» не вошла в «Подражания древним», а была включена в отдел «Эпиграммы и надписи»; видимо, «древнего» колорита Пушкин в ней не усматривал, и потому она должна быть признана еще одним (тринадцатым) стихотворением, ошибочно отнесенным В. Б. Сандомирской к якобы формировавшемуся в тетради ПД 833 циклу. Два стихотворения: «Муза» и «Я говорил тебе: страшися девы милой...» (позднее названное «Дева») — во всех деталях отвечают основному «эталону». Занимающая последнюю страницу (л. 9 об.), на которой Пушкин якобы прекратил собирать этот цикл, «Идиллия» («Подруга милая, я знаю для чего...»), ставшая впоследствии «Дионеей», отличается в этой редакции от начинавших его на первой странице под заголовком образцов наличием четырехстопных стихов и перекрестных рифм; если эти отклонения объяснить следованием примеру Батюшкова, то ее допустимо также причислить к «эпиграммам во вкусе древних».

В итоге формальный анализ обнаруживает на л. 1–9 тетради ПД 833 шесть стихотворений, которые, в понимании Пушкина, представляли жанр «эпиграммы во вкусе древних» в его тематическом и некотором видовом (элегия, идиллия) разнообразии, соответствовавшем трактовке Батюшкова—Уварова. Два были записаны под этим жанровым заголовком, четыре разбросаны на других листах, отделенные от этих двух, вне сферы его действия и без каких-либо помет, которые бы с ним их соотносили. Вряд ли в такой манере ведения тетради могло реализовываться намерение оформить в ней цикл стихотворений этого рода, и остается лишь заключить, что подобного замысла у Пушкина, когда он ее начинал вести, не существовало, как и не возникло по ходу ее заполнения.

Общая картина появления в творчестве Пушкина жанра «эпиграммы во вкусе древних» и его к нему многократного обращения в первой половине 1820-х гг. складывается в следующем виде.

В 1819 г. в Петербурге Пушкин знакомится с только что изданным сборником А. Шенье и под первым впечатлением от составлявших в нем два отдела «фрагментов» идиллий и элегий пишет стихотворения «Дорида» («В Дориде нравятся и локоны златые...») и «Дориде» («Я верю: я любим; для сердца нужно верить...»), которые отдает в «Невский зритель», где они появляются в первых двух номерах 1820 г. Как было замечено еще В. Г. Белинским, чье наблюдение прочно вошло в пушкиноведение, заключительная строка второго из этих стихотворений

представляет собою точный перевод девятого стиха XXVI элегии Шенье⁵². Известна была в то же время Пушкину и брошюра «О греческой антологии»; напечатанный в ней перевод Батюшкова «В Лаисе нравится улыбка на устах...» отозвался в первой «Дориде»⁵³. Воздействие Шенье на творческое воображение Пушкина оказалось более сильным и проявилось не в текстуальных переключках (таковая выявлена одна), а в создании пластичных образов, в эвфонии и в совершенной, безупречной стиховой форме, которая обладала всеми характеристиками, отмеченными выше в несколько более поздних эпиграммах, принятых условно за основной «эталон». В Гурзуфе (19 августа — 4 сентября 1820 г.) Пушкин читал Шенье по экземпляру, имевшемуся у Н. Н. Раевского-младшего, с этих пор и начинается стойкое, продолжавшееся едва ли не до последних лет жизни его увлечение творчеством и личностью французского поэта. Под обновленным впечатлением, бывшим, вероятно, еще более сильным, чем первоначальное, создаются «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду...» и «Редет облаков летучая гряда...»; для них подбирается — не без учета, конечно, статьи Уварова—Батюшкова — удачное жанровое определение, вынесенное в общий для них заголовок: «Эпиграммы во вкусе древних». Ни о каком цикле в это время Пушкин не думает, но жанр продолжает разрабатывать. Так записываются в тетрадь: «Мила красавица, когда свое чело...», некоторое время спустя парю «Муза» и «Я говорил тебе: страшися девы милой...», затем «Идиллия» («Подруга милая, я знаю для чего...») и, наконец, 27 декабря 1821 г. (на л. 18) «Отрывок» («Старайся наблюдать различные приметы...»), получивший при публикации заглавие «Приметы». Через год и десять месяцев, 26 октября 1823 г., в Одессе в ту же тетрадь вносится (на л. 26) еще одно стихотворение того же жанра, не имевшее в тот момент заглавия: «Мой голос для тебя и ласковый и томный...» (впоследствии названное «Ночь»). Еще через год с лишним, когда в Михайловском было задумано издать сборник «Стихотворений» и в «Капнистовской» тетради, где велась его подготовка, были сформированы в своем базовом составе «Элегии», Пушкин группирует следующий отдел, которому дает название «Подражания древним», и включает в него все эти десять стихотворений с добавлением к ним идиллии «Земля и море»⁵⁴. Не мог ему в это время не попасться на глаза и не вспомниться

⁵² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 325; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 2, кн. 1. С. 622.

⁵³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 613.

⁵⁴ См.: Томашевский Б. В. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826 г.): II. «Капнистовская тетрадь» // ЛН. М., 1934. Т. 16/18. С. 856–859 (эти материалы включены в изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 342–345, 355); письмо П. А. Плетнева к Пушкину от 26 сентября 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 233–234.

заголовок «Эпиграммы во вкусе древних»: даже если работал поэт преимущественно с уже напечатанными текстами, к тетради он должен был обращаться хотя бы потому, что «Ночь» и «Приметы» еще нигде не публиковались и существовали только в беловых автографах. Однако назвать так отдел, объединивший указанные одиннадцать стихотворений, Пушкин воздержался — в частности, может быть, потому, что уже на этой стадии заполнения «Капнистовской» тетради планировал выделение в будущем сборнике отдела «Эпиграммы, надписи и пр.»⁵⁵, который точно соответствовал этимологическому понятию об антологической эпиграмме⁵⁶, но, будучи в рукописи оформлен несколько позднее, вобрал в себя стихотворения, не имевшие античного колорита; может быть (во всяком случае, вполне вероятно), и потому, что идиллия «Земля и море», написанная четырехстопным ямбом, не отвечала формальным признакам «эпиграммы во вкусе древних». Подобрав заглавие «Подражания древним», Пушкин не был в нем окончательно уверен и заранее соглашался на другое, которое могло бы П. А. Плетневу показаться более удачным и подходящим; он даже сам хотел предложить альтернативу, соотносившую, кажется, этот отдел с опытами в жанре антологической эпиграммы Батюшкова, однако, не закончив соответствующей фразы, ее смазал⁵⁷. В печатном сборнике сохранился заголовок «Подражания древним», очень удачно коррелировавший с «Подражаниями Корану».

В рамках сборника вряд ли «Подражания древним» мыслились автором как цикл, но составляли жанровый отдел (подборку), подобный другим, как-то: «Элегии», «Разные стихотворения», «Эпиграммы и надписи», «Послания». Заголовок «Эпиграммы во вкусе древних», мелькнувший в начале тетради ПД 833, навсегда ушел из пушкинской литературной терминологии, но интерес к жанру поэт сохранял и продолжит к нему обращаться. Но это будут «анфологические эпиграммы», облаченные в иную форму.

---

⁵⁵ Томашевский Б. В. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина. С. 863—864; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 340—341, 357; письмо П. А. Плетнева от 26 сентября 1825 г. — Акад. Т. 13. С. 233.

⁵⁶ ἐπίγραμμα (греч.) — 1) надпись (посвящение, подпись автора, надгробие, заглавие и т. п.); 2) эпиграмма, элегическое двуступишие (из гексаметра и пентаметра) (Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 1. С. 605). В переведенной И. И. Пузиным статье говорилось: «Сие наименование (эпиграмма. — В. Р.) само по себе означает не что иное, как надпись, и оно сохранило у греков свое первоначальное значение» (Об эпиграмме и надписи древних. С. 115).

⁵⁷ Томашевский Б. В. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина. С. 856; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2, кн. 1. С. 342—343. Иное чтение, не предполагающее ассоциации с Батюшковым, см.: Сандомирская В. Б. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним». С. 17.